

К ВОПРОСУ О ВЛАДЕЛЬЦЕ «ЕВАНГЕЛИЯ ВОЛЫНЦЕВСКОГО»

Пергаменное Евангелие первой половины XIV в. из собрания ГИМ (Син. 401) хорошо известно исследователям русской книжности, в том числе по двум соседствующим на л. 132 об. записям — писца книги, Иоанна («Иоан»), современной рукописи, и, скорописью XVI в., владельца, «Еваѣне волынцевское взѣл священник Селиве[стр]»¹ (Ил.).

«Селивестр» давно и обоснованно отождествляется с известным священником кремлевского Благовещенского собора Сильвестром — именно ему, литератору, книжнику и государственному деятелю эпохи Ивана Грозного [Зимин, с. 41–70; Филюшкин, с. 309–328], книга принадлежала в XVI в. [Буланин, Колесов, с. 330]². Что же до «вольнцевское», стоящего при слове «Евангелие», то, насколько мне известно, оно пока никаких комментариев не получило, хотя, очевидно, их заслуживает.

Надо сказать, что публикаторы владельческой записи Сильвестра прочитывали его либо как определение неясной этимологии, «евангелие волынцевское» [Покровский, с. 171], либо как имя собственное, «евангелие Волынцевское» [Щепкина, Протасьева, Костюхина, Гольщенко, с. 187; Буланин, Колесов, с. 330], а прот. А. В. Горский даже назвал такой извод малых апракосов «Волынцевским» [Горский, Невоструев, с. 259]. Если такое прочтение справедливо, то в записи указан патроним или прозвище владельца книги до Сильвестра — им был некий «Волынцев» или «Вольнец».

В XVI–XVII в. известен род провинциальных дворян Волынцевых, помещиков Тверского, Новгородского, Ряжского и Нижегородского уездов [Савелов, с. 118–119; Бычкова, 1986, с. 184], несших службу вдалеке от столицы. Только один из Волынцевых, Михаил Иванович, в 40-х годах XVI в. числился «по Москве», при Государеве дворе в чине сытника³. «Люди честные, и пожалованы денежным жалованием и поместьями», то есть дворяне, сытники в XVII в., тем не менее, принадлежали к низшим (четвертому из пяти) чинам Сытненного двора, на котором «питье держат»⁴, одного из занятых хозяйственным обслуживанием царской семьи «дворов царских». Известен и один плебей по прозвищу Волынцев, слуга торговавших в Москве смолян братьев Селевиных, оказавшихся втянутыми в 1493 г. в громкое дело о шпионаже в пользу Литвы⁵.

Даже если Евангелие действительно принадлежало кому-то из вышеназванных Волынцевых — Волынцовых, сомнительно, чтобы память о прежнем владельце, человеке совершенно незаметном, была бы запечатлена во владельческой записи царского фаворита — благовещенского священника.

Другой вариант объяснения фразы «Евангелие Волынцевское» — указание на прозвище владельца книги, Вольнец.

Согласно предложенной А. М. Селищевым группировке личных имен и прозвищ по значению основы, «Вольнец» принадлежит к категории «пришельцев» «по месту происхождения»

¹ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в. М., 2002. Вып. 1. С. 213. Датировка рукописи принадлежит А. Л. Лифшицу и А. А. Турилову. Здесь же приведена библиография.

² Первым, очевидно, на этот факт обратил внимание А. А. Покровский [Покровский, с. 171].

³ Писцовые книги Московского государства. СПб., 1877. Писцовые книги XVI в. Ч. 1. Отд. 2. С. 73, 284.

⁴ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 1906. С. 72, 74.

⁵ ПСРЛ. М., 2007. Т. XVIII. С. 277 («Тоя же зимы... князь великий князя Ивана Лукомского да Матиаса Ляха... съжгоша... въ клетке да дву братовъ Смольнянъ казнили... Селевиныхъ... про то, что они посылали з грамотами и съ вѣстми чловѣка своего Волынцева къ князю великому Александру Литовскому»).

[Чичагов, с. 934]. Следовательно, в глазах москвичей эпохи Грозного владельцем книги был выходец с Волыни, земли которой и в XIV в., во время написания Евангелия, и в XVI в., в пору принадлежности книги священнику Сильвестру, входили в состав Великого княжества Литовского.

Рискнем предположить, что речь может идти об известном воеводе великого князя Московского Дмитрия Ивановича Донского, ближнем боярине великокняжеской Думы, Дмитрие Михайловиче Боброке-Волынском (до 1356 — после 1389 г.), герое Куликовской битвы [Кучкин, 1994, с. 249], владельце, если не заказчике Евангелия, — датировка пергаменного кодекса этому, как будто бы, не противоречит.

Имя, под которым воевода обычно фигурирует в наши дни [Кучкин, 1994, с. 249; Советская историческая энциклопедия, с. 494; Большая советская энциклопедия, с. 438], — результат соединения нескольких разновременных элементов. Кроме того, со временем оно претерпевало видоизменения.

В раннем московском летописании Д. М. Боброк-Волынский упоминается трижды, в статьях под 1371, 1376 и 1379 г. как «Дмитрий Михайлович Волынский», причем в двух последних случаях с прибавлением титула «князь»⁶.

Гораздо разнообразнее князь именуется в памятниках Куликовского цикла, литературных описаниях сражения 8 сентября 1380 г., Задонщине и Сказании о Мамаевом побоище (в летописной повести, третьем из памятников цикла, Д. М. Боброк-Волынский не упоминается). Начать надо с того, что герой сражения в них никогда не титулуется князем, а состав имени воеводы отличается известным разнообразием.

В самом раннем из памятников Куликовского цикла, Задонщине⁷, временем создания близкой и к Мамаеву побоищу [Кучкин, 1985, с. 118], и к выше цитированным летописным известиям XIV в. о князе Дмитрие Михайловиче Волынском, воевода повсеместно именуется одинаково, «Дмитрием Волынским»⁸, с потерей, как видим, кроме титула, еще и отчества.

Но уже, условно говоря, столетие с небольшим спустя в многочисленных списках и редакциях Сказания о Мамаевом побоище, созданного, по разным оценкам, либо в конце XV, либо в начале XVI в.⁹, имя собственное воеводы армии московского князя фигурирует в четырех вариантах. Кроме уже знакомого «Дмитрий Волынский»¹⁰, герой сражения на Дону именуется также «Дмитрием Боброковым»¹¹, «Дмитрием Боброковым-Волынским»¹², «Дмитрием Волынцем» и, что особенно важно в нашем случае, просто «Волынцем»¹³.

Как видим, со временем имя великокняжеского воеводы в литературных текстах, посвященных Куликовской битве, утеряло не только титул и такую почетную составляющую часть имени аристократа, как «отчество», но и соответствующую княжескому статусу форму патронима, трансформируясь в прозвища «Боброков» [Власьев, с. 1–2]¹⁴ и «Волынец».

⁶ Присёлков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М., 2002. С. 393, 401, 418.

⁷ «Ни в самом тексте... ни в каких-либо других источниках указаний на время создания ее нет. По совокупности ряда косвенных признаков многие исследователи датируют (Задонщину. — А. Л.) 80-ми годами XIV в.» [Дмитриев, с. 346–347].

⁸ Памятники Куликовского цикла / Гл. ред. академик РАН Б. А. Рыбаков, ред. В. А. Кучкин. СПб., 1998. С. 114–115, 127–128.

⁹ Там же. С. 134, 376. Ср.: «Первоначальный вариант “Сказания о Мамаевом побоище”... возник не ранее 90-х годов XV в. и не позже первых годов XVI в., в последние годы правления Ивана III [Петров, с. 19].

¹⁰ Памятники Куликовского цикла. С. 180, 241, 246, 263, 280–281, 287, 299.

¹¹ Там же. С. 168, 279.

¹² Там же. С. 280.

¹³ Там же. С. 170–172, 184, 248.

¹⁴ Прозвище «Боброк» возводилось к названию реки Бобрка на Волыни, места возможного домена князя Д. М. Волынского в XIV в., до выезда «к Москве». Заметим, вместе с тем, что прозвище впервые появляется только в Сказании о Мамаевом побоище, памятнике конца XV — начала XVI в., причем в форме патронима, Боброков, отнюдь не уникального (ср. Яков Михайлов Боброков, москвич, 1525 г. [Тупиков, с. 504]).

О княжеском достоинстве воеводы памятники Куликовского цикла, повторимся, не говорят вовсе, что, скорее всего, связано с утерей титула, возможно, уже до конца XIV в. ближайшими потомками «Волинца» [Веселовский, с. 286; Кузьмин, 2001, с. 111–136; Кузьмин, 2004, с. 720, 740. Ср.: Веселовский, с. 285, 362, 492].

Как бы дело ни обстояло в реальности, в России воевода в любом случае считался выходцем с Волыни, «Волинцем», на что прямо указывает родословная традиция. И в родословных книгах неофициальных редакций, и, что особенно показательно, в официальных реестрах российского дворянства, не дошедшем до наших дней Государеве родословце 1555 г. и составленной в 1687 г. после отмены местничества Бархатной книге, роспись «рода Дмитрея Михайловича Волинского Боброка» неизменно подчеркивает его выезд на службу к великому князю Дмитрию Ивановичу «из Волинские земли» [Лихачев, с. 358–375; Бычкова, 1975, с. 53–55].

Кстати, именно родословные росписи XVI–XVII в., а не литературные памятники Куликовского цикла регулярно используют прижившееся до наших дней прозвище боярина, Боброк-Волинский.

Если высказанные выше предположения верны, то есть все основания считать владельцем пергаменного Евангелия середины XIV в. «Волинца», знаменитого героя сражения на Дону 8 сентября 1380 г., Д. М. Боброка-Волинского — так, во всяком случае, полагали в XVI в. и сам владелец рукописи, Сильвестр, и, наверное, его современники.

Каким образом и когда священник эпохи Ивана Грозного мог стать владельцем «Евангелия Волинцевского»? Новгородский уроженец, Сильвестр появился в Москве в 40-е годы XVI в., первое достоверное известие о нем относится к 1546 г. — он уже тогда числился священником в причте Благовещенского собора. Входивший некоторое время в узкий круг «советников» молодого Ивана Грозного «поп Селивестр», вышедший в начале 60-х годов из царского фавора, добровольно удалился в изгнание, приняв постриг в Кирилло-Белозерском монастыре, где вдалеке от столицы провел около пятнадцати лет до своей кончины [Буланин, Колесов, с. 324–325].

Литературная деятельность Сильвестра (его перу принадлежит целый ряд сочинений, включая знаменитый Домострой¹⁵) органично сочеталась с книжными интересами «благовещенского попа», владевшего при жизни впечатляющим книжным собранием. Библиотека Сильвестра для исследователей всегда представляла особый интерес, а ее состав реконструировался по пометам и записям; в наши дни книги, некогда принадлежавшие фавориту «Грозного царя», хранятся в рукописных собраниях Петербурга и Москвы [Буланин, Колесов, с. 327–328].

Исследователям ныне известно не менее двадцати кодексов келейной библиотеки Сильвестра, сформировавшейся еще в Москве и вывезенной после принятия пострига священником в Кирилло-Белозерский монастырь, однако из столицы на Белоозеро за владельцем последовали не все книги, в числе которых не было и «Евангелия Волинцевского» [Буланин, Колесов, с. 330]. Дальнейшая судьба кодекса, очевидно, оставшегося в Москве, не известна вплоть до второй половины XVIII в. — не позднее 1773 г. пергаменное Евангелие находилось, как и в пору иерейства Сильвестра, в столице, но не в Благовещенском соборе, а в Патриаршей библиотеке [Покровский, с. 170].

Остается столь же неясным и путь обретения Сильвестром «Евангелия Волинцевского». В XVI в. в России жили две ветви потомков героя Куликовской битвы, дворяне Волинские и Воронье-Волинские [Власьев, с. 1–2]. Что какие-то семейные реликвии у Волинских имелись и об этом было известно в придворных кругах, гласят документы следствия об открывшемся

¹⁵ Степень участия благовещенского священника в работе над Домостроем, впрочем, до сих пор является предметом дискуссий [Буланин, Колесов, с. 327].

нездоровье невесты царя Михаила Федоровича, Марии Хлоповой (1616 г.), которой с целью излечения «давали пити воду святую с мощей, а имали крест (с мощами) у Вольтинских» [Забелин, с. 224]. Тем не менее сомнительно, чтобы источником пополнения библиотеки благовещенского священника Сильвестра могли быть фамильные ценности Вольтинских, здравствующих наследников Д. М. Боброка-Вольтинского.

Если старшая ветвь потомков воеводы XIV в. и во времена Сильвестра, и много позднее была достаточно многочисленна, то младшая, Вороные, пресеклась. Последний из Вороных, боярин и любимец Грозного М. И. Вороной-Вольтинский скончался в 1566–1567 г. [Веселовский, с. 287]. Но даже если Евангелие принадлежало пресекшейся ветви рода Вольтинских и с кончиной боярина гипотетически могло перейти в разряд выморочного имущества с возможностью поменять владельца, бывший благовещенский священник, в это время уже кирилловский инок Спиридон, отошел от московских дел и жил вдали от столицы.

Запись на книге в то же время гласит, что Сильвестр «взял» ее, то есть, надо думать, получил безденежно. В таком случае место «взятия», как кажется, может быть определено с достаточной степенью вероятности — Благовещенский собор Московского Кремля, храм, в котором служил священник и в котором, без сомнения, в это время имелись книги.

Сведения о ранней истории соборной библиотеки крайне скудны [Клосс, Назаров, с. 14]. Хотя она, безусловно, существовала с момента основания храма в XIV в., но о составе собрания ранее конца XVII в. ничего неизвестно [Исаева, с. 408].

В конце столетия библиотека Благовещенского собора насчитывала около полутора сотен книг, в абсолютном большинстве печатных [Филимонов, с. 15, 35, 37]; в начале XX в. здесь хранились полтора десятка Евангелий, в том числе вклады царской семьи [Извеков, с. 94–96]. Существенно, что в келейной библиотеке бывшего священника, вывезенной им в Кирилло-Белозерский монастырь и позднее данной вкладом в обитель, имелись книги, «взятые» в Благовещенском соборе, в частности Требник, про который «Иван сказал Михайлович (дьяк И. М. Висковатый. — А. Л.), что тот Потребник благовещенской» [Розов, с. 197, 202]. Так что если предположение о том, что Сильвестр «взял» «Евангелие Вольтинцевское» в соборной библиотеке, верно, то пергаменная рукопись XIV в. не была единственным приобретением священника, сделанным, так сказать, по месту служения.

Точная дата строительства первого Благовещенского собора в Кремле (современный возведен между 1484 и 1489 г.) неизвестна, но к началу 90-х годов XIV в. храм, вне всякого сомнения, существовал [Владимирская, с. 146–163]. Благовещенский собор изначально ставился и долгое время действовал как домовая церковь великих князей Московских, «на великого князя дворе на сених» [Баталов, с. 276]. Со всех точек зрения любопытно, что, согласно родословным книгам, Д. М. Боброк-Вольтинский состоял в родстве с великокняжеским домом: «**князь великий** (Дмитрий Иванович Донской. — А. Л.) дал за него сестру свою княжну Анну. А у Дмитрея Михайловича были два сына: Борис да Давыд; от Бориса пошли Вольтинские, а от Давыда пошли Вороные» [Лихачев, с. 358–375]. Такой брак не должен удивлять: Д. М. Боброк-Вольтинский был одним из первенствующих бояр Думы великого князя Дмитрия Ивановича Донского [Веселовский, с. 110, 114–115; Бычкова, 1975, с. 53–55], и в XIV–XV в. браки с первенствующими боярами в великокняжеских семьях редко, но имели место¹⁶.

¹⁶ Известны три брака великокняжеских сестер и бояр, один в Великом княжестве Суздальско-Нижегородском, старшей дочери великого князя Дмитрия Константиновича Марии и московского боярина Микулы Васильевича Вельяминова, и два в Москве, тот, потомками которого считали себя Вольтинские, и имевший место позднее, в XV в., сестры великого князя Московского Василия Васильевича Темного, выданной замуж за московского же боярина Юрия Патрикеевича [Экземплярский, 1889, с. 147; Экземплярский, 1891, с. 417]. Последний принадлежал к князьям Гедиминовичам и сохранил после выезда из Литвы «к Москве» княжеское достоинство, одновременно обретя чин московского боярина (Русский биографический словарь. СПб., 1902. «Павел — Петръ (Илейка)». С. 382, 387).

Княжна Анна Ивановна, кроме родословных росписей Волинских, более нигде не упоминается, но независимо от того, была ли она единственной супругой героя сражения на Дону или нет¹⁷, родство воеводы с великокняжеским домом как будто бы сомнений в России не вызывало ни во времена Сильвестра, ни много позднее [Лаврентьев, с. 13–20]. Не могло ли Евангелие оказаться в ризнице Благовещенского собора, домового храма великокняжеской семьи, через княжну Анну Ивановну, сестру великого князя Дмитрия Ивановича?

Даты рождения и кончины княжны Анны Ивановны неизвестны. Сам воевода последний раз упоминается в 1389 г. как первенствующий среди «вернейшихъ паче всехъ» бояр Дмитрия Ивановича в духовной великого князя¹⁸. Судя по всему, Д. М. Боброк-Волинский вскоре скончался [Веселовский, с. 286] или принял некоторое время спустя, одновременно с женой, иноческий постриг, уйдя от мирских дел [Янин, с. 52–61. Ср.: Турилов, с. 206–207]. Благовещенский собор к этому моменту уже существовал, и, если воевода действительно умер вскоре после 1389 г., Евангелие в храм могла передать вдова героя Куликовской битвы или он мог сделать вклад сам, например, перед гипотетическим постригом.

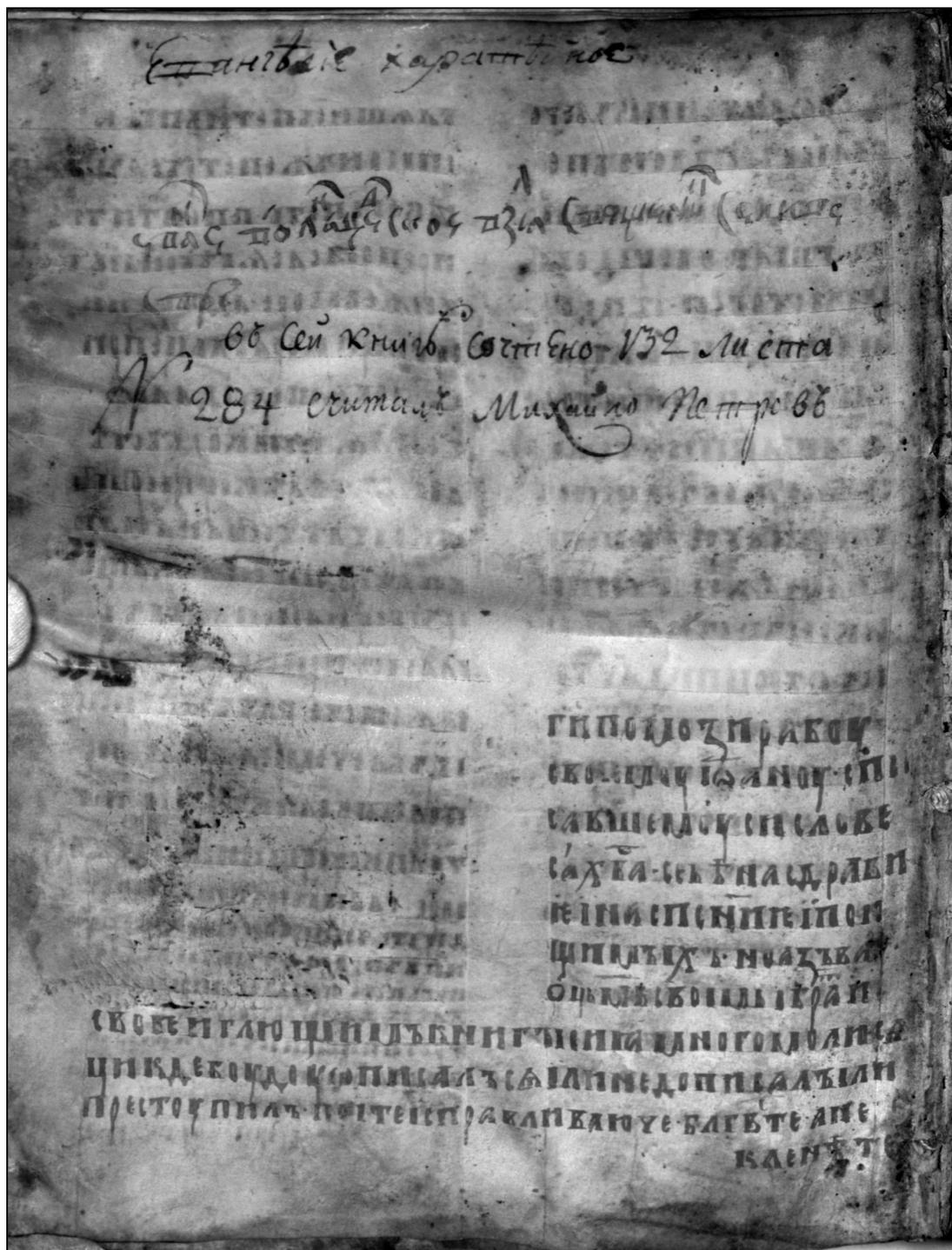
Кроме того, вполне вероятно, Д. М. Боброк-Волинский, шурина великого князя Московского Дмитрия Ивановича, надо думать, имевший в Кремле двор по соседству с великокняжеским, мог быть также и прихожанином, и духовным сыном служившего в Благовещенском храме иерея.

Если высказанные выше предположения верны, то «Евангелие Волынцевское», возможно, принадлежит к числу едва ли не первых рукописных книг библиотеки Благовещенского собора Московского Кремля¹⁹ (старейшие из выявленных ныне — два Евангелия, вклады Ивана Грозного [Клосс, Назаров, с. 14]). Происхождение книги и имя ее первого владельца, а возможно и заказчика, «Волынца», не было забыто ни благовещенским причтом, ни соборным священником Сильвестром полтора века спустя после событий Куликовской битвы, что, собственно, и зафиксировано во владельческой записи XVI в.

¹⁷ В русской родословной традиции есть и иной вариант происхождения рода Волинских, в отличие от Государева родословца и Бархатной книги носивший не официальный, а частный характер [Бычкова, 1975, с. 65, 188]. Согласно ему, Д. М. Боброк-Волинский состоял не в одном, а в двух браках. Сыновья, от которых пошли две ветви потомков воеводы, родились в первом, от неизвестной по имени жены боярина и воеводы, браке, сестра же великого князя Дмитрия Ивановича была второй женой героя Куликовской битвы. Сын или сыновья от второго брака, действительно племянники Дмитрия Донского, потомства не оставили [Янин, с. 52–61]. Иной взгляд на события и участвовавшие в них лица, в нашем случае дела не меняющий, высказал А. А. Турилов [Турилов, с. 206–207].

¹⁸ ДДГ. С. 36.

¹⁹ А. А. Турилов, любезно согласившийся ознакомиться с рукописью статьи, обратил внимание автора на то, что «Волынцевское» может теоретически означать не только «Волынца», но и храм в вотчинных владениях Благовещенского собора, где прежде хранилось Евангелие, указав в качестве возможной параллели на многочисленные пометы на рукописных книгах библиотеки Троице-Сергиева монастыря: «Книга Кержачкая», то есть Кержачского Благовещенского монастыря, находившегося в ведении обители. Вотчинные владения Благовещенского собора к концу XVII в. включали всего три села в Московском, Касимовском и Тамбовском уездах, ни одно из которых не называлось Волынцевом или Волынцевским, а тамбовской вотчины во времена Сильвестра просто еще не существовало (Владения и крепостные крестьяне русской церкви в конце XVII в. / Сост. и ответств. ред. Я. Е. Водарский. М., 1988. С. 75).

Литература

- Баталов А. Л. Благовещенский собор Московского Кремля // ПЭ. М., 2002. Т. V. С. 276–292.
Большая советская энциклопедия. М., 1970. Т. III.
Буланин Д. М., Колесов В. В. Сильвестр (в иноках Спиридон) // СКЖДР. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Л., 1989. Ч. 2. С. 323–333.
Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975.
Бычкова М. Е. Состав класса феодалов в России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. М., 1986.
Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1962.
Владимирская В. В. К вопросу об истории строительства Благовещенского собора Московского Кремля // Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Материалы

- и исследования. М., 2003. Т. XVI. Художественные памятники Московского Кремля. С. 146–163.
- Власьев Г. А. Род Волинских. СПб., 1911.
- Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1855. Отд. 1. Священное писание.
- Дмитриев Л. А. Задонщина // СКЖДР. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Л., 1988. Ч. 1. С. 345–353.
- Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2001. Т. II.
- Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М., 1958.
- Извеков Н., прот. Московский придворный Благовещенский собор. М., 1911.
- Исаева Е. В. Книжное собрание Благовещенского собора // Государственные Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. М., 2008. Т. XIX. Благовещенский собор Московского Кремля в истории русской культуры. С. 407–427.
- Клосс Б. М., Назаров В. Д. Благовещенский собор и письменные источники XV–XVI вв. // Уникальному памятнику русской культуры Благовещенскому собору Московского Кремля 500 лет. Тезисы научной конференции. М., 1989. С. 14–15.
- Кузьмин А. В. Родословная князя Дмитрия Михайловича Боброка-Волинского // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Тула, 2001. С. 111–136.
- Кузьмин А. В. Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV – первой трети XV вв. (Ч. 1. Всеволож-Заболоцкие, Волинские, Липягины) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2004. Т. XI. С. 718–742.
- Кучкин В. А. К датировке Задонщины // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 113–120.
- Кучкин В. А. Боброк-Волинский Дмитрий Михайлович // Отечественная история с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. М., 1994. Т. I. С. 447–448.
- Лаврентьев А. В. Кабинет-министр Артемий Петрович Волинский и воевода Дмитрий Михайлович Боброк-Волинский: опыт изучения и мемориализации Куликовской битвы в России 1-й половины XVIII в. СПб., 2013.
- Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. Опыт исторического исследования. СПб., 1888 (репринт – СПб., 2002).
- Петров А. Е. «Сказание о Мамаевом побоище» как исторический источник. АКД. М., 1998.
- Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. Обзор пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. М., 1916.
- Розов Н. Н. Библиотека Сильвестра (XVI в.) // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 191–205.
- Савелов Л. М. Родословные записи. М., 1908. Вып. 2.
- Советская историческая энциклопедия. М., 1962. Т. II.
- Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2005.
- Турилов А. А. К биографии и генеалогии Михаила Клопского // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 178–209.
- Филимонов Г. Д. Переписная книга Московского Благовещенского собора XVII в. // Сборник на 1873 г., изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1873.
- Филошкин А. И. История одной мистификации. Иван Грозный и «Избранная Рада». М., 1998. Приложение II. «И был он как всемогущий...». Материалы к биографии священника Благовещенского собора Московского Кремля Сильвестра.
- Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв. // Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2005. С. 905–1031.
- Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Гольштенко В. С. Описание пергаменных рукописей Государственного Исторического музея. Ч. 1. Рукописи русские // АЕ за 1964 г. М., 1965. С. 135–234.
- Экземлярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. С 1238 по 1505 г. СПб., 1889. Т. I.
- Экземлярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. С 1238 по 1505 г. СПб., 1891. Т. II.
- Янин В. Л. К вопросу о происхождении Михаила Клопского // АЕ за 1978 г. М., 1979. С. 52–61.